

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'373.611

А.Г. Антипов**МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА
И ЕЁ МОТИВАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ**

Рассматривается одна из актуальных проблем теории синхронного словообразования – проблема функциональной нагруженности явлений деривационной морфонологии. На материале экспериментального исследования метаязыковой фантазии коммуникантов по восприятию и осознанию морфонологически мотивированных знаков русского языка обсуждается роль морфонологии в представлении семиотических процессов.

В истории языкознания освещение проблемы языковых функций деривационной морфонологии связано с развитием представлений о морфонологических явлениях как процессах, обусловленных актами создания слова и настроенных на моделирование его структуры в аспекте межкатегориальных связей поверхностных и глубинных уровней семиозиса.

Понимание морфонологии как особого динамического уровня семиозиса основывается на признании ведущей роли мотивационных тенденций в процессах порождения и функционирования языковых знаков. Именно концепция системной мотивированности языкового знака приводит к критике тезиса о существовании уровней, семиотически нейтральных, безотносительных к феноменам категоризации, не располагающих «рефлексами» в ассоциативном пространстве языка.

В деривационной морфонологии семиотический характер взаимодействия морфонологической структуры слова с морфемной и словообразовательной предопределяет своеобразную биполярность морфонологии как относительно независимого от семантики уровня отождествления структуры слова и в то же время одного из уровней моделирования его внутренней формы в особых семиотических актах номинативной деривации [1].

С одной стороны, формируя структуру морфемных последовательностей, морфонология влияет на формальную организацию морфемы и слова. В этом случае последствия «волнового синтеза» выступают в качестве динамического фактора отождествления деривационных структур языка. С другой стороны, морфонологическая вариативность внутренних компонентов слова нередко сигнализирует о семантической дифференциации (и даже системной поляризации) его формальных структур, что обосновывает функции морфонологии как парадигматического фактора членимости / мотивированности дериватов, детерминирующего функционирование средств стратификации языковых значений.

Впервые данная «область существования явлений знакового, двустороннего характера» [2. С. 17] была последовательно охарактеризована И.А. Боуэнном де Куртенэ в его «Опыте теории фонетических альтернатив» [3].

Обоснованные И.А. Бодуэном де Куртенэ перспективы функционального освещения морфонологии как системного феномена языка и сознания не могли не предвосхитить рождение современных семиотических теорий «означающего морфемы», как не могло не привести к этому и учение о внутренней форме слова А.А. Потебни.

В общем теоретическом смысле вопрос о функциях морфонологической структуры слова поставлен И.А. Бодуэном де Куртенэ в широкий семиотический контекст изучения феноменов языкового сознания и речевого мышления. Именно признание особой ассоциативной («психической») реальности этого уровня языка, связанного с определенными «психическими различиями», «с представлениями определенных психических нюансов (оттенков)», с «психическим влиянием», «при котором с фонетическим различием бывает связано (ассоциируется) какое-нибудь психическое различие форм и слов, т.е. какое-нибудь морфонологическое и семасиологическое различие» [3. С. 281, 301], позволяет сегодня обосновывать на материале морфонологической сферы знака погруженность иерархии её основных единиц в пространство семиозиса. В частности, установленные в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников тенденции овнешнения звуковых представлений – процессы морфологизации и семасиологизации – помогают понять, что морфонология выполняет функции одной из знаковых моделей репрезентации ментальных феноменов.

В лингвистике XX в. рассмотрение семиотических функций морфонологии связано с изучением политипологической природы языкового знака. Осмыслением этой проблемы языкознания предопределена ставшая традиционной для отечественной семиотики критика догмы Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака, его конвенциональной, условно-символической мотивированности. Как это было показано Р.О. Якобсоном, в естественном языке знаковые структуры не столько символичны, сколько иконичны, поскольку основной корпус языковых символов формируется на основе взаимной обусловленности формы и содержания – диаграммной иконичности мотивированных знаков. На обобщение тенденций иконичности направлены в русистике второй половины XX в. исследования ведущих типов мотивированности слова (О.И. Блинова, Е.Л. Гинзбург, Н.Д. Голев, О.П. Ермакова, А.П. Журавлев, Е.А. Земская, Л.Г. Зубкова, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, Г.П. Мельников, М.В. Панов, А.Н. Тихонов, И.С. Улуханов, А.А. Уфимцева, М.Н. Янценецкая и др.).

На формирование семиотической теории морфонологии особое влияние оказывали и оказывают работы Е.С. Кубряковой, её учеников и последователей, в которых был уточнён прежде всего индексальный знаковый статус морфонологического уровня языка, доказан динамический характер реализации морфонологических правил, проведено описание различных моделей корреляции между значением и формой морфонологических единиц, а также разработан анализ основных единиц морфонологической структуры слова в различных аспектах межуровневых связей морфонологии. Так, в аспекте семантического описания деривационных процессов формальная структура производного слова получила свою характеристику в трудах учёных Томской диалектологической школы. С работами М.Н. Янценецкой и её учени-

ков связано развитие в современной русистике учений В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни о взаимной детерминации способов функционирования внутренней и внешней формы языкового знака, а полученные в рамках этого направления функционального словообразования результаты исследований степени симметризации формы и содержания производных знаков позволяют строить дальнейшее обоснование семиотических функций морфонологических единиц в актах номинативной деривации (см. об этом подробнее: [4]).

С предложенными М.Н. Яценецкой принципами функционального описания процессов деривации соотнесено и развиваемое нами понимание иконичности структуры синхронически мотивированных (производных) знаков, единицы морфонологической формы которых используются носителями языка в актах номинативной деривации и речевого общения.

Исследование иконичности как процесса формальной репрезентации взаимообусловленности формы и содержания словообразовательно мотивированного знака позволяет уточнить функции основных уровней порождения производного слова, соотнести их в систему средств создания иконических образований особого типа (когнитивно-семиотический аспект), а также представить функциональное описание средств иконичности в коммуникативно-семиотическом аспекте действующих словообразовательных правил языка определенной сферы речевого общения.

Так, на материале русского диалектного словообразования проблема иконичности производного слова разрабатывается нами в ходе описания морфонологии как средства формирования системных деривационных отношений лексики [5; 6]. При этом основные уровни формальной структуры производного слова – морфонологический и деривационный – предстают как взаимосвязанные сферы языковой категоризации, поскольку в актах речевого мышления человек, моделируя языковое пространство коммуникации, обращается к морфолексемным репрезентациям своего сознания (иконическим единицам памяти).

В современной славянской морфонологии семиотическая теория морфонологических альтернатив в аспекте их ментальных функций («когда фонетическое расщепление ассоциируется с психическим расщеплением» [3. С. 325]), получает своё развитие в плане обоснования принципов «двусторонней» морфонологии [7. С. 36–37], основу которой составляет положение о симметрии морфонологических моделей: «Частичному изменению фонологического состава сравниваемых форм соответствует такое же частичное несходство их общей функциональной нагрузки» [2. С. 17]. С данной линией функционального описания морфонологических процессов связано их определение в качестве индексальных средств языкового знака, «внутренний смысл» которых заключается в возможности «сигнализировать о некотором тонком, иногда трудно уловимом, но от этого не менее реальном сдвиге в значении у одной формы сравнительно с другой» [2. С. 21]. Оценка симметрии связей морфонологии и семантики в структуре языкового знака не может не быть связана и с доказательством существования семиотической детерминанты морфонологических явлений через противоположение функций структурной и категориальной индексации [8] и выделение плана означаемого у морфонологических альтернатив [9. С. 39].

Действительно, в аспекте функционально обусловленного единства внешней формы языкового знака с внутренней, с которой план выражения в целом, включая морфонологический его уровень, находится в отношениях симметризации и компенсаторной взаимозависимости [10], морфонологическая структура слова не является некоей «отсутствующей структурой» в пространстве ассоциативных феноменов категоризации. Напротив, в языках с развитым грамматическим строем морфонологические структуры вычленяются вполне автономно, проявляя своё динамическое функционирование через взаимодействие как с основными уровнями синкретичной морфонологической структуры слова, так и с его семантикой.

Функциональная нагруженность морфонологических явлений в актах номинативной деривации свидетельствует о том, что «звуковая форма дериватов представляет на индексальной основе действия морфонологических правил реализацию принципа иконичности словообразовательной формы» [6. С. 8]. Через различия в звуковой форме дериватов раскрывается общий «иерархический контекст формирующей способности символа» [6. С. 12], а репрезентация в его форме основных уровней, участвующих в процессах семиозиса, отражает «накопление словообразовательной формой мотивационного содержания о системе и правилах категоризации единиц» [6. С. 23]. При этом основные тенденции категоризации языковой формы производного знака проистекают из взаимной обусловленности внутренних и внешних факторов словообразовательной мотивированности: «Концептуальная глубина дериватов (идиоматичность), постигаемая семиотической стратегией расширения словообразовательной системы (полимотивацией), категоризируется фонологическим измерением этапов динамики символа (алломорфным варьированием)» [6. С. 8]. Следовательно, в деривационной морфонологии вариативность структуры слова связана с реализацией мотивационных отношений, образующих особую область внутренней формы дериватов, влияющих на оформление ведущих типов языковых значений по линии симметрии морфонологических моделей.

Морфонологическая мотивированность производного слова обнаруживается в самом характере распределения морфонологических альтернатив в составе производящей базы (основы) и словообразовательного форманта. При этом «контактная зона» деривационной структуры слова оказывается областью сосуществования тенденций воспроизводимости и производимости: в процессе системного функционирования дериватов действие фузии, обуславливающей морфонологическую вариативность производящей базы и форманта, взаимодействует с агглютинативной тенденцией, снижающей регулярность фузии как в области реализации морфонологических позиций, так и в сферах лексико-грамматической и лексико-семантической дистрибуции.

Активность синтетических и аналитических процессов поддерживается и полимотивационной тенденцией, обуславливающей взаимодействие и интерференцию словообразовательной структуры слова с морфемной по причине актуализации наряду с непосредственными опосредствованных словообразовательных мотиваций. В результате этого «как единый словообразовательный формант начинает восприниматься вся часть основы мотивированного слова, отличная от корня, а мотивирующая основа слова становится

равной корню (мод-ничать, упря-м-ствовать)» [11. С. 43]. Ср. диалект.: *кон-ёвник*, *кон-овальник*; *куст-арник*, *куст-аражник*; *мед-овник*, *мед-овичник*, *мед-овульник*, *мед-онишник*, *мед-уночник*, *мед-уничник* и др. С этой бинарной мотивационной структурой нередко связана дифференциация семантики производных лексем за счёт единиц их морфонологической структуры (ср.: *горшеч-(н)ик* 'тот, кто изготавливает горшки / горшечных дел мастер', *горшк-ов/ник*, *горш-ов/ник* 'тряпка, которой подхватывают горшки'). В подобных случаях на выражение мотивационных отношений направлено функционирование морфемных блоков отсылочной и формирующей частей дериватов, наиболее близких к компонентам внутренней формы слова, благодаря чему морфонологические трансформации сигнализируют о сдвигах в значении слова, а сами трансформации способны изменять функциональный статус вплоть до обретения ими плана означаемого. В тенденции, если основная алломорфия отвечает за тождество категоризируемых мотивационно связанными лексемами признаков (функции структурной индексации, предсказывающей направление производности), вариативность форманта, конкретизируя мотивирующую семантику, приводит к перекатегоризации (функции семантической индексации, дифференцирующей семантические сдвиги по моделям деривационной полисемии и синонимии, ср.: *коров-ник* '1) тот, кто скупает и продаёт коров, 2) подосиновик', *коров-ят/ник* '1) тот, кто продаёт коров, 2) шкура коровы'). Отсюда компенсаторная взаимозависимость морфонологической асимметрии производного слова, заключающаяся во взаимодействии фузионных закономерностей в строении отсылочной части дериватов и агглютинативных – в функционировании словообразовательных формантов.

В ходе описания данных тенденций функционирования морфонологических процессов в аспекте их актуальности для языкового сознания носителей русского языка нами было проведено экспериментальное исследование единиц морфонологической структуры производного слова [5; 6].

Из основных результатов, полученных в серии экспериментов по восприятию и осознанию морфонологической структуры производных лексем, следует, что словообразовательная форма слова соответствует в сознании индивида иконически порождаемой знаковой структуре, что позволяет наблюдать в актах речевого мышления различные типы мотивированности. При этом степень ментальной активности единиц словообразовательной формы прямо пропорциональна их семиотическим функциям в общей иерархической структуре дериватов: каждый из уровней структуры производного слова прототипичен для языкового сознания, избирающего необходимые средства овнешнения репрезентаций.

Морфонологический уровень формальной структуры производного слова, наряду с фонетическим, морфемным и словообразовательным, отсылает через ассоциативные связи компонентов словообразовательной формы к концептуальным сущностям, активен при выявлении модели порождаемого слова, которая становится прототипичной в процессе вербализации актов номинативной деятельности. Поэтому выбор иконической структуры знака, в котором участвует морфонология, предсказывающая через диаграммные отношения направления основных типов мотивированности производного

слова (словообразовательной и лексической), позволяет моделировать процессы языковой категоризации. Именно в этом ракурсе раскрывается потенциал деривационного функционирования морфонологии как системного явления языка, от которого зависит степень мотивированности производных знаков.

Ассоциативно-стратегический характер единиц морфонологии производного слова отражается прежде всего через осознание индивидом контактной зоны в структуре дериватов – сферы множественности формальной структуры основы производящего слова и/или словообразовательного форманта. Восприятие морфонологической структуры связано в этом случае с закреплением релевантного содержания за тем или иным вариантом создаваемой мотивационной полисемии деривата. Идентификационной опорой поэтому выступают, как правило, морфонологические маркеры фузии и деривационных процессов (чередование и/или субморф), определяющие ассоциативное значение вариантов морфонологической структуры. Функционирование таких ассоциативно нагруженных морфонологических компонентов словообразовательной формы способствует системной дифференциации вариантов морфемной членимости слова, связанных с категоризацией различий в сфере мотивирующей и формантной семантик производных лексем.

Отвечая за манифестацию деривационно активных компонентов внутренней формы слова, морфонологии отсылочной и формантной частей дериватов обусловлены особенностями функциональной стратификации семантики производного слова. Морфонологическое моделирование внутренней формы слова оказывается настроенным на сохранение дифференциальных признаков репрезентации звуковой формы источника деривации и усиление мотивационных функций форманта. Соотношение их «ментальных полей» в иконической структуре производного знака направлено на организацию семантики морфонологически мотивированных лексем.

В частности, отмеченная в экспериментах актуализация мотивационного содержания формантной части производного слова в аспекте её морфонологического строения свидетельствует о том, что ментальное функционирование форманта представляет собой стратегию выбора ассоциативных опор, в соответствии с которой ориентация на форму грамматической категоризации (морфемную последовательность) имеет номинативное значение. В случае морфонологической вариантности форманта детерминированность идентификации слова-стимула осознанием функциональной семантики форманта, а через нее – и мотивирующей семантики, приводит к усилению ассоциативных функций его формальной структуры в направлении восприятия её постоянных и переменных компонентов, указывающих на наследуемые и приобретаемые свойства мотивированного знака. В результате постоянная фонемная последовательность, манифестирующая словообразовательный прототип форманта, его основной вариант, служит ассоциативной опорой грамматической категоризации, а переменная часть, маркер алломорфных отношений, определяет перспективы снижения категоризируемых семантических репрезентаций, приводя функционирование морфемных комплексов к вариативности внутренних форм слов-стимулов.

При анализе экспериментального материала было установлено, что восприятие / осознание компонентов суперморфемной структуры форманта в

снижении степени символичности производного знака отражает (1) развитие полимотивационных отношений, (2) выражение «скрытых» компонентов ассоциативной структуры значения, (3) выявление направлений семантической категоризации.

1. Включение в ассоциативное поле осознаваемого деривата репрезентаций формантной части предполагает выбор тех мотивационных решений, которые регулируются дистрибуцией мотивационных форм слов-стимулов. Параллельно с выявлением мотивирующей части ассоциативные опоры на вариативный сегмент форманта позволяют сознанию предлагать версии прочтения внутренних форм дериватов, обосновывая то или иное мотивационное значение. Ср.: {сви^нуш}₁жа – 1) суп из свиных, маленький свишок; {сви^н}₂ушка – 2) жена свина, маленькая свинья; {сви^н}₃ятник – 1) человек, который ведет себя, как свинья; человек, который «подложил свинью»; {сви^нят}₄ник – 2) человек, который все время «свиначит», т.е. грязный, отталкивающий. Поскольку субморфные наращенные аффиксы генетически представляют собой словообразовательные аффиксы, ассоциативная значимость этих переменных компонентов структуры форманта ассоциативно учитывается именно как генетический фактор мотивации, в соответствии с которым мотивационное содержание форманта влияет на выделение концептуальных признаков мотивирующей леммы как суперморфемной последовательности, обобщающей манифестацию непосредственных и опосредствованных мотивирующих суждений. Ср.: слон/ят/ник – помещение для слонов, человек с большим носом; человек, который ухаживает в зоопарке за слонятами; кон/юш/н/ик – конюшня; помещение для конюхов; помещение для содержания коней. О мотивационной актуальности субморфов при идентификации суперморфемной словообразовательной формы свидетельствуют и примеры мотивационного синкретизма, когда в пределах одного метатекста совмещаются непосредственные и опосредствованные мотивации. Ср.: слон/ят/ник – беззаботный человек, слоняется, как слон; кон/юш/н/ик – конюшня, где конюх ухаживает за конями. Общий фон ассоциативной семантики субморфов оказывается, следовательно, необходимым компонентом формирования значения слова-стимула, направленным в моделях «поляризации» морфонологических вариантов аффикса, придания им через ассоциации статуса функциональных единиц идентификации системных словообразовательных отношений. При этом источником осознаваемой словообразовательной асимметрии выступает восприятие влияющих на формируемую семантику дериватов системных значений морфонологических наращенных аффикса, переосмысливаемых в актах семантизации исходя из различной степени спаянности сегментной структуры форманта. Ср.: {слон}ят₁ник – ‘помещение для слонов / слонят’, ‘тот, кто ходит, как слон’; ‘тот, кто слоняется’; {слон}ов₂ник – ‘помещение для слонов’; ‘слоновья болезнь’.

2. Отмечаемое расширение семантики форманта объясняется характером функционирования его морфонологической структуры, используемой в ассоциативных стратегиях экспликации «скрытых» смыслов. Более того, восприятие идиоматичности словообразовательной формы, выявляя системную продуктивность направлений семантической категоризации формантных структур дериватов, порождает актуализацию деривационно значимых се-

мантических наращений, служащих ассоциативными опорами мотивированности избираемых средств овнешнения представлений – морфонологических вариантов форманта. В процессе идентификации концептуальной структуры производных знаков субморфы продуцируют экспликацию «скрытых» компонентов семантики дериватов, устанавливая их ономаσιологический статус и внося их в экстенционал знака в качестве необходимой части концептуального содержания. Причем нередко морфонологическая выразительность формантной части используется сознанием в целях эмотивной репрезентации. Ср.: *свин-уш/ка – неряха, замарашика, толстуха; свин-юш/ник – грязный подъезд; свин-ят/ник – беспорядок в квартире, бардак галактического масштаба; слон-ят/ник – дискотека, т.к. там все скачут и топаят*. Отсюда ассоциативный статус субморфных наращений форманта, развивающих семантику мотивационно связанных слов благодаря сужению концептуальных признаков отсылочной части и расширению сферы функционирования формирующей по моделям мотивационной полисемии. Ср.: *свин-ят/ник – 1) загон для свиней или место, где очень грязно; 2) растение, растущее в грязи, в неподходящих для этого условиях; 3) неряха (называют по сходству со свиньями – быть грязным, валяться в грязи)*.

3. Идентификационный статус компонентов внутренней формы производных лексем позволяет сознанию реконструировать этапы семиозиса через толкование средств выражения словообразовательной семантики. Ср.: *свинятник – человек, который ухаживает за свиньями, наподобие «скотник»; помещение для свиней, по аналогии с «курятник»; место, где была вечеринка, т.е. то место, что напоминает это слово в первом значении (место, где содержат свиней); соотносится со словом «свинарник»*. С повышением вариативности в характере членимости слова вследствие актуализации полимотивационных отношений сегментная структура деривата отличается усилением аспектов словообразовательной семантики, приходящихся на долю форманта. Его морфонологическая вариативность отличается большим мотивационным потенциалом, направленностью на идентификацию функциональных значений, осознаваемых исходя из метаязыковых возможностей поверхностного контекста членения словообразовательной формы. Мотивационные функции показателей деривационного акта характеризуются компенсацией семиотических свойств, представляя в направлениях семантической категоризации компонентов своей структуры изоморфизм уровней овнешнения ассоциативного содержания. Ср.: *свиных – гриб; самец свиньи; свинопас, пастух свиней; большой свин (о человеке); свинушка – гриб; маленькая свинка; хрюшка, грязная девушка; свинушечник – помещение для свиней; «положение дел» в комнате, которое можно увидеть, если долго не убираться; очень неаккуратный человек*. Грамматические репрезентации, направляющие осознание флексии, последовательно уточняют прототипическое значение форманта по мере приближения к ассоциациям отсылочной части, вскрывающим взаимозависимость лексических и словообразовательных репрезентаций. Ср.: *свинка – розовая, полненькая девочка; свинушка – девочка-грязнуля; свинятка – дочка свиньи*. Поэтому особенно релевантной становится позиция фонологической репрезентации «пограничных сигналов» в структуре словообразовательной формы – фонологического оформления су-

перморфемной зоны сегментации формантной части. Ср.: *свин-я́т/ник*, *слон-я́т/ник* 'тот, кто свинячит / слоняется, как свинья / слон'. Именно в соответствии с морфонологической членимостью данных полиморфемных конструкций сознанием определяется мотивационное содержание производных лексем.

Таким образом, как индексальное средство, деривационная морфонология свидетельствует о развитии мотивационных функций звуковой формы в иерархии динамических уровней структуры производного слова. В результате экспонентная структура словообразовательно мотивированного знака располагает дополнительными для отождествления внутренней формы поверхностными компонентами выражения мотивационного содержания. Морфонологические единицы сужают именно мотивационно-ассоциативное пространство лексемы, уточняя эталонный и операциональный статус единиц формальной структуры производного слова. Кроме того, морфонологические репрезентации используются сознанием для характеристики мотивационно четких дериватем, связанных с продуктивными идентификационными формами мотивирующих, задающих предсказуемый характер внутренних форм мотивированных лексем. Возможные «перегрузки» семиотического кода направлены на редупликацию значений мотивационных фрагментов отсылочной части и вариативность значений формантных комплексов. Следовательно, морфонологическая репрезентация предстает и как стратегия отождествления деривационных историй, и как поверхностный маркер мотивационного кода дериватемы, и как иконическое направление её категоризации.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Словообразование и другие сферы языковой системы в структуре номинативного акта // Словообразование в его отношениях к другим сферам языка. Игорю Степановичу Улуханову к 65-летию со дня рождения. Инсбрук, 2002.
2. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков. М., 1983.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт теории фонетических альтернатив // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.
4. Резанова З.И. Словообразование // Томская диалектологическая школа: Историографический очерк / Под. ред. О.И. Блиновой. Томск, 2006.
5. Антипов А.Г. Словообразование и фонология: Словообразовательная мотивированность звуковой формы. Томск, 2001.
6. Антипов А.Г. Морфонологическая категоризация словообразовательной формы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2002.
7. Толстая С.М. Морфонология в структуре славянских языков. М., 1998.
8. Laskowski R. Semiotyczne funkcje alternacji morfonologicznych // Polonica. 1980. V.
9. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
10. Зубкова Л.Г. Симметрия и асимметрия языковых знаков // Проблемы фонетики I. М., 1993.
11. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. М., 1977.